

Чем короче ум у правителя, тем длиннее ему требуется палка
Валентин Овечкин (1904–1968).
«Статьи, дневники, письма»

Мнения авторов этой полосы могут не совпадать с мнением редакции

страна

Лженаука на орбите

Сергей Назаров, публицист

Почему мы до сих пор не гуляем по Марсу, не имеем бесплатной энергии и не победили болезнь? Специалисты говорят, что над этим еще работать и работать. А вот их антиподы винят во всем самих ученых, которых называют инквизицией, уничтожающей настоящее знание.

На наших глазах развернулась война традиционной науки и ее противников с участием самых высоких и влиятельных персон, вплоть до нобелевского лауреата Жореса Алфреда. Разобраться в этом беспределах сложно. Наука вообще говорит на своем языке (если историю можно объяснить даже человеку с неоконченным средним образованием, то теория суперструн не поймет даже кандидат наук, если он, скажем, тот же историк). А времена, когда опубликованное получало знак информационного качества, ушли безвозвратно. Интернет пестрит словами, схемами и формулами, разносящими в пух и прах хоть Дарвина, хоть Эйнштейна. Породило современное общество, наука сама стала его жертвой.

Когда газеты, ТВ и радио рассуждают о мистицизме, астрологии, пришельцах, исцелении верой, еще можно применить здравый смысл и жизненный опыт, но когда те же СМИ берут на себя функцию научной литературы, запутаться очень легко. Что должен думать человек, для которого давно отзвонел последний школьный звонок, при виде заместителя генерального директора Государственного космического научно-производственного центра им. М.В. Хруничева Валерия Меньшикова, тестирующего движитель без реактив-

ной тяги на земной орбите? Замечу, этот эксперимент тянет миллионов на десять рублей и призван, ни много ни мало, опровергнуть закон сохранения импульса! Рядом с таким космическим масштабом ученые, пытающиеся спасти нашу науку письмами к президенту, выглядят скудно и жалко.

И все-таки: что такое «антинаука»? Это явление многогранное – от паранормальных явлений до навязывания внеучным областям «научных» рецептов. Но наиболее опасны те, кто выдает себя за представителей «альтернативной науки», вроде господина Меньшикова, который вознамерился опровергнуть школьный учебник физики. Они оперируют неточными понятиями, противоречат установленным закономерностям и фактам, игнорируют достигнутый уровень знаний. Их «эксперименты» не могут быть подвергнуты строгой проверке другими исследователями. Ну и, конечно, содержат претензию на нечто великое, сопровождаются завышенной самооценкой и даже авторской гордыней. При этом обязательно грешат небросовостью или жульничеством (а как еще нарушить законы природы!), подменяют общепринятые стандарты экспериментов пиар-компанией в наивных СМИ и регалиями квазинаучных сообществ. Иногда лжеученый даже сам понимает, что жульничает, но считает, что поступает правильно, ведь всё это для пользы дела. Идея-то ведь гениальная, и не существенно, что ее пока не удалось реализовать. Она все равно победит, а пока нужно добиться поддержки.

К сожалению, в наши дни «гениальные прорывы», совершаемые ньютонами-одиночками, уже невозможны. Наука стала индустрией и делается коллективно. Открытия рождаются только в результате серьезной работы, в основном огромных коллективов. После обязательных подтверждений всем ученым сообществом они не требуют дискуссий и ложатся в фундамент науки. Бессмысленно дискутировать о началах термодинамики, законе сохранения энергии, приобритенных признаков или специальной теории относительности

– всё это незбылемо. А вот, к примеру, теорий тяготения несколько, что требует сложнейших экспериментов для их проверки. Да, без поиска, без фантазии, без проб и ошибок науки не бывает. Но научный спор не может быть словесным, а лжеученый, как правило, отказывается от контрольных опытов или расчетов. Он настаивает на своих мнениях и выводах, ища поддержку где угодно, только не среди профессионалов.

И зачастую поддержка оказывается весьма многочисленной. Прежде всего, от коллег-лжеученых. Они всегда солидарны уже потому, чтоб не пропасть поодиночке. Для пущего веса они объединяются в так называемые «альтернативные академии». Во многих случаях это срабатывает: одно дело, когда с сенсационными идеями выступает еще вчера никому не известный «гений», и совсем другое, когда тот же «гений» является членом «Академии вселенских наук». Кроме того, надежное подспорье для лжеученых – СМИ. Еще бы, ведь писать и рассказывать о лженауке, которая щедро сыплет сенсациями, гораздо легче и интереснее, чем о настоящем научном труде, который для непосвященного непонятен, а потому скучен. Еще в надежных помощниках числятся любители примазаться к чужому паюру и доверчивые, мало знакомые с наукой (это так типично для современной России!) бизнесмены. Но самая массовая поддержка исходит от полужнаек, которые, прочитав в газете (журнале, книге) или увидев лжеученого по ТВ, свято уверовали в его правоту.

В итоге лженаука превратилась в опасное социальное явление, грозящее вытеснить научное знание на периферию общественного миропорядка. Более того, вспомни сказанное за тысячелетие до возникновения всякой науки: «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Екклесиаст 1, 10). А расцвет антинауки мы неоднократно наблюдали: теория арийской расы, лысенковщина, гомеопатия... Но ведь эти теории завоевывали признание в авторитарных сообществах.

не в тему

человек

Мы – поколение слабаков?

Владимир Соболев, лауреат Государственной премии России

Жалобы на превратности судьбы стали в нынешней жизни общим местом. А как же поколение наших дедов? Действительно обрушился на них куда более страшные удары, но они даже самые тяжелые неприятности старались обратить себе на пользу.

На этой неделе Георгию Степановичу Жженову исполнилось бы 95, и большинство средств массовой информации не обошло стороной его юбилей. Потому что герой был всенародно любим, ценим и уважаем. Человек он был замечательный, артист потрясающий, а уж обаяния такого, что с лихвой хватило бы на трех мужиков. О ролях Жженова говорили и писали в захлеб, и те, кто его знал, заслуженно не жалели о нем самых добрых слов.

Реже вспоминали, что Георгий Степанович чуть не полжизни отсидел в сталинских лагерях, где уцелел буквально чудом. Еще реже понимали, что он был к тому же даровитым писателем. И уж никто – во всяком случае и я видел и слышал, – за десятилетия созданных им кинообразов не назвал одну роль – инженера Кузьмина из телевизионного фильма «Однофамилец». Этот микросериал (всего две серии) сняли на «Ленфильме» четверть века назад. Я его и видел-то один раз, а вот забыть не могу до сих пор. В главных ролях – Георгий Жженов и Ростислав Плятт. Литературная основа сценария – одноименная повесть Даниила Гранина.

обратная связь

Не хочу жить в сверхдержаве

Соглашусь с С. Ачильдиевым, автором статьи «Державию» («НВ», 20.03), что наша страна сегодня никакая не великая держава. Но не хочу соглашаться с тем, что «в силу своего географического и геополитического положения, людских и природных богатств, культурного потенциала Россия должна быть сверхдержавой».

За последние три века мы уже неоднократно бывали сверхдержавой – после Северной войны, после войны с Наполеоном, после Великой Отечественной... Да, всегда Россия обретала сверхдержавность после тяжелейших войн, при этом единственным признаком этого многими у нас так ценимого качества была исключительно военная мощь. Народ-то пребывал в нищете

и бесправии. Так что хватить нам супер-, сверх- и великой державности. Давайте лучше просто хорошо жить. Давайте возьмем пример с Японии: она после Второй мировой откатилась от военных претензий и сотворила экономическое чудо.

Они, почувствовав, показывают нам актер Жженов, что, в сущности, профессор Лаптев был только посланцем Судьбы. Ducunt volentem fata, nolentem trahunt – утверждали стоики: «желающего идти судьба ведет, не желающего – влечит». Кузьмин понимает, что он по самой своей сути не создан был для науки, по крайней мере, для того академического мира, который окружает его на симпозиуме. Он отказывается от существования престижного, но фальшивого, где первостепенное значение имеют даже не символы, а симулякры. То есть знаки, лишённые действительного содержания. Он возвращается в свой мир, жесткий, угловатый, холодный, который пронизывают насковоз колочные ветры. Но это мир честной, мужской работы, где, по меткому замечанию Юрия Визбора, «...если и быто, с рукой, а вовсе не заявлением...».

Даниил Гранин написал, а Георгий Жженов и Ростислав Плятт сыграли притчу. Историю человека, который изо всех сил оберегает не свою свободу, но волю, а – самостоятельность. Много ли мы сейчас находим таких примеров? Чем занимаются наши беседы приватные и прилюдные? Да сговаривания на всеобщее неустраивание. Не так, мол, делают свое дело все, что нас окружает, – от дворника до президента. Самая распространенная модель наших высказываний – жалоба. Мы, в отличие от жженовского Кузьмина, не можем и не хотим отыскать место, на которое станем и где устоим вопле незванисима.

Но вот какая страшная мысль подкралась ко мне, пока я выписывал эту фразу. А не есть ли самостоятельное понимание жизни – свойство того, уходящего уже поколения? Этим людям довелось испытать удары Судьбы, но они не склонились перед их чудовищной силой и только закалились в многочисленных жизненных перипетиях. Ростислава Яновича нет, Георгия Степановича нет, Даниила Александровича уже даже не семьдесят... На кого же мы без них остаемся? На себя самих? А справимся ли, вынесем, выдюжим? Не слабая ли мы самим себе опора?..

РИСУНОК ВИКТОРА БОГОРАДА

общество

Мужчина, постойте!

Юлия Мельникова, журналист

Шоп-туры между Петербургом и Финляндией имеют тридцатилетнюю традицию. И до сих пор сохраняют неискоренимый дух фарцовки.

Еще в брежневские времена финны на автобусах наводняли Ленинград, обеспечивая работой валютных путан и спекулянтов спиртным. Про бизнес «фирмачи» тоже не забывай: сюда возились шприцы, обратные вывозились иконы и водка. С середины девяностых лидерство перешло к россиянам. Однодневные шоп-туры в Иматру и Лаппеэнранту стали таким же обычным явлением, как поездка по грибы. В шесть часов утра у гостиницы «Октябрьская» можно сесть в один из двух десятков автобусов – и через два часа вы уже на финской границе. Стоит удовольствие 750 рублей. Деньги собирает гид, неславно прогуливаясь по салону автобуса.

– Господа, сигаретки все берут? – произносит она загадочно, но явно привычную фразу. – Тогда по 620.

Многие схватывают сразу, некоторые переспрашивают и удовлетворенно кивают. Все просто: каждый турист имеет право ввести в Финляндию блок сигарет. Вам предлагается за 3 евро провести 10 пачек курева, которые выдаст вам гид. «А чего кочевряжиться», – пожимают плечами пассажиры. Тем более финские пограничники все понимают и не обращают внимания, что у приличных с вида дам и господ из России по запечатанному блоку одинаковых сигарет, которые каждый из них взял с собой в однодневную поездку.

В моем автобусе из пятидесяти с лишним пассажиров отказались провозить контрабанду шестеро, включая меня. Гид пожалла плечами, мол, ну и ладно, 130 рублей никому не лишние. Остальных контрабандистов консультируют: сигареты из сумок не доставать, лишних вопросов не зада-

вать, если спросят про сигареты, повторять фразу: «Законы вашей страны я знаю и никогда не нарушаю». В Suomi пачка курева стоит минимум 5 евро, а в Петербурге – 23 рубля.

Границу прошли без малейших проблем. После этого гид сразу стала собирать блоки с сигаретами обратно. – Господа, а где еще один блок? Посмотрите на себя, пожалуйста, – тревожно зазвучал ее голос.

Подозрения, что кто-то из уважаемых путешественников подрезал ценный контрабандный товар, нарастали в течение получаса, пока у одной дамы не сдали нервы.

– Ой, вот же он! Тут за кресло завалился, извините, – она пылко имитировала наивность.

На обратном пути гид снова вступила в разговор со всем автобусом: – Господа, я сейчас поменяла табличку на нашем автобусе с «Лаппеэнранты» на «Хельсинки». Если вас спросят, говорите, что ездили в Хельсинки. Иначе они будут нас долбить шерстью, потому что в столицу по разным причинам ездят, а в Лаппеэнранту – только за шмотками.

Идея еще разок обмануть государство пришло по вкусу всему автобусу. Перед границей многие нервничали – слишком много всего с собой набрали.

– Девушка, я вижу у вас вещей с собой мало, – раздался над моим ухом голос с заднего ряда. – Наверное, визу вскрывать ездили. Возьмете у меня сумочку небольшую за шоколадку? Нам ничего запрещенного нет: кофе, какао, кофейные смеси в допустимых количествах...

Дяденька выглядел обнадеживающе: прямой взгляд, капитанская борода, благородный лоб. Его маленькую сумочку я едва оторвала от пола – она тянула на целый пуд. Но отказываться было поздно, и я едва подтащила сумку к пункту паспортного контроля. Сам дяденька едва просматривался из-за двух здоровенных чемоданов.

Пограничник ничего не сказал, он посмотрел. Так вальяжные петербургские чиновники смотрели на торговашей на Апраксинском рынке: с выражением глубокого кастового превосходства. И этот взгляд мне не забыть никогда, даже когда от двух подаренных дяденькой огромных шоколадок останутся одни воспоминания. После прохождения границы в са-

лоне автобуса царил веселье и чувство глубокого доверия к людям, еще несколько часов назад совершенно незнакомым. Создавалось впечатление, что все пассажиры успешно рванули из тюрьмы или вражеского плена. «Мой» дяденька на заднем ряду обаял несколько матерых теток: показывал им фотографии внуков и рассказывал о спортивном прошлом: – Леночке на учебу в Англию три тысячи евро нужно. Дочка мне говорит: «Дед, где хочешь, там и рожай!» А мне куда деваться – рожаю.

– А сами они что – дети Поволжья? – сочувствовала одна из теток.

– Они с мужем на Мальдивы улетели и машину новую недавно купили, – с благородной досадой произнес дяденька. – Ничего, я еще не старый, мне нетрудно.

Казалось, из автобуса они уйдут вместе, но в Старой Деревне мужчина расклялся и потащил свои баулы к выходу. Совершенно непонятно, как он допрет все это хотя бы до машины.

– А рыба-то где? – вскрикнула одна из его собеседниц. – Галя, вот здесь же пакет лежал – три кило форели! Мужчина, постойте! – Что потеряли? Рыбу? За кресло упала, наверное, – дяденька вернулся к собеседницам.

У них был последний ряд: они откидывали кресла, сопели и легонько матерились. – Ловкий дед, – негромко сказал жене мужчина впереди меня. Дядечка и без того все понимал: он уже снял с себя куртку, демонстрируя чистоту помыслов.

– Нашел! – наконец заорал он. – Вот, видите, за огнетушитель пакет завалился. – Ой, спаситель вы наш, дай вам Бог здоровья, – заверещала хозяйка рыбы.

– Слава Богу, а я уж решил, вы на меня подумали.

– Да что вы, что вы! Нам и в голову не приходило...

А еще говорят, что у россиян неевропейская культура. Ну кто еще может, даже когда от двух подаренных дяденькой огромных шоколадок останутся одни воспоминания. После прохождения границы в са-

ПОДСЛУШКА

– При демократии – примат человека, а при диктатуре человека – примат.